

Цзян Чжо не понимал их шока, ведь среди его учителя, его старшей сяоцзе, его младшей сяоцзе, а также учеников его секты Пошо прошлых поколений половина была женщинами. А это имя, Цзян, и вовсе было унаследовано от учителя Цзян Сюэцин.

В этот момент Ли Сянлин уже поднялась на помост, и один из сидевших в ряду кресел первыми перешёл в наступление:

— Секта Костей Грома натворила таких дел, Ли Сянлин, ты действительно посмела явиться сюда, закинув меч за спину?

Кто бы мог подумать, что, услышав это, Ли Сянлин плавным движением руки сбросила меч с плеча и протянула его тому человеку:

— Глава Цзян сказал абсолютно верно, это я недодумалась. Этот меч мне не по плечу, лучше отдам его вам.

Сидевшая внизу и вытягивающая шеи в ожидании толпа сотни сект не могла не испытать жестокого разочарования. Они-то надеялись увидеть яростную битву дракона и тигра, но никак не ожидали, что Ли Сянлин окажется столь несговорчивой. Только вот странно: Ли Сянлин протянула меч, но никто из присутствующих не осмелился его взять.

Тот самый начавший ссору глава Цзян произнёс:

— Что это значит? Я задал вопрос между делом, а ты вот так бросаешь меч, словно это я зарился на него!

Ли Сянлин ответила невозмутимо:

— И в мыслях не было. Прийти сюда с мечом за спиной изначально было моей ошибкой, и теперь передать его на хранение главе Цзяну — вполне правильный поступок. Разве глава Цзян не хочет его взять?

Этот вопрос заставил лицо главы Цзяна то бледнеть, то зеленеть. Оказывается, меч Ли Сянлин носил имя Горный Тигр и был тем самым оружием, которым некогда пользовался прародитель секты Костей Грома Ли Цзиндао. Благословленный лунным божеством Хуэйман, он славился своим буйным и абсолютно непокорным нравом. Попади он в руки могущественного мастера — это прибавило бы тому сил и превратило в тигра с крыльями, но очутись он у заурядного человека — и клинок зазвенел бы не переставая, погрузившись в дикую ярость. Сам глава Цзян считал свои силы неплохими, но всего лишь «неплохими». Если бы он принял меч на глазах у широкой публики, и тот вдруг зашлся в звоне, не опозорился бы он на весь свет?

Поэтому, разъярившись от стыда, он рявкнул:

— Ты... ты принуждаешь меня, да?

Ли Сянлин выглядела так, будто ничего не понимает, и выказала легкое удивление:

— С чего ты это взял? Разве перебросить меч — это значит принуждать?

Глава Цзян почувствовал себя оскорбленным:

— Ладно, ладно, ладно! Пользуясь тем, что ты первый меч в Поднебесной, ты и впрямь задираешь нос! Стоило мне задать всего один вопрос, как ты принуждаешь меня взять меч. С таким главой неудивительно, что секта Костей Грома способна устраивать подобные цирковые представления!

Атмосфера стала тяжелой. Сидевший рядом старец подал голос, пытаясь сгладить углы:

— Хватит, хватит! Вы оба — главы целых сект, к чему устраивать ребяческие истерики из-за какого-то меча? Сянлин — мастер меча, и путешествовать с оружием за спиной для неё совершенно естественно. Хватит стоять, присаживайтесь скорее.

С другой стороны кто-то в белых одеждах тоже поддакнул:

— Старейшина Хуан абсолютно прав. Все мы собрались здесь сегодня ради дела Города Сяньинь, так что прошу вас обоих не портить мирные отношения.

Увидев, что тот человек одет в белое, Цзян Чжо спросил стоявшего рядом Ли Цзиньлина:

— Брат Жулун, это кто?

Ли Цзиньлин ответил:

— Это чиновник Управления Тяньмин по имени Сун Инчжи. В ту ночь, когда божество пало и предалось безумной резне, именно он разослал всем весть и разбудил остальных.

Неужели не Цзин Юй?

Цзян Чжо подавил жажду убийства, но чем больше он думал об этом, тем сильнее чувствовал, что дело не так просто. Ладно бы один Цзин Юй, но откуда взялся ещё и этот Сун Инчжи? Неужели после того, как он упал в воду той ночью, произошли какие-то перемены?

На высоком помосте Ли Сянлин по-прежнему стояла. Никто не брал её меч, но она ничуть не спешила и лишь произнесла:

— Не стану скрывать от всех присутствующих, раз стряслась столь страшная трагедия, нам в секте Костей Грома сполна положено понести наказание и искупить вину. За эти полмесяца я днём и ночью спешила в путь, установила в Секте Ветра Брахмы три тысячи шестьсот светильников и читала истинные каноны упокоения для жителей города, лишь бы избавить обитателей от страданий совместного падения душ.

Едва эти слова сорвались с губ, как среди рядов поднялся шум, и люди зашептались между собой.

— Три тысячи шестьсот светильников!

— Её уровень культивации поистине пугает...

Совместное падение означало, что все убитые павшим божеством пропитывались скверной падения. После смерти они бесцельно блуждали, терзаемые муками злобных обид, и потому легко сбивались в толпы, порождая Великое Бедствие Пустоши. А стоило случиться Великому Бедствию Пустоши, как живые существа в тех краях разбегались кто куда, обрекая земли на запустение и лишая их покровительства божеств. Именно из-за опасности совместного падения душ упокоить заблудшие души было невероятно трудно: для этого требовалось задействовать светильники заповедей Секты Ветра Брахмы, влить туда духовную энергию и силы зажигавшего человека, да еще и читать в такт девяносто девять слоев истинных канонных целых восемьдесят один день! Эти светильники чудовищно истощали духовную силу и душевные силы: обычному Проводнику духов стоило великих трудов зажечь хотя бы один, но Ли Сянлин с лёгкостью назвала цифру в три тысячи шестьсот!

Старейшина Хуан вздохнул:

— Изначально твоей вины в этом не было, а тебе приходится взваливать такое... Эх!

Глава Цзян холодно бросил:

— Неужели одних этих трёх тысяч шестисот светильников заповедей хватит, чтобы всё закончилось? Если бы не Ли Юньюань, с чего бы горожанам терпеть столь душераздирающие муки!

Другой мужчина средних лет с вытянутым лицом тоже молвил:

— Верно. К тому же эти места входят в вотчину секты Костей Грома, и зажигать светильники для упокоения — это то, что вы и так обязаны делать. Иначе, разразись Великое Бедствие Пустоши, расплачиваться придется вам самим.

Его лицо было румяным, а голос звенел, словно бронзовый колокол. Цзян Чжо даже припомнил его — кажется, это был глава рода Пан из Синьчжоу. Всего в нескольких словах они свели на нет вопрос с зажиганием светильников.

Получив поддержку, глава Цзян закономерно возгордился:

— Как ни крути, а твои дневные и ночные спешные переходы делались лишь ради вас самих. Я хочу задать тебе всего один вопрос сегодня, Ли Сянлин: Ли Юньюань совершил злодеяние и устроил резню, как ты собираешься с ним поступить?

Ли Сянлин ответила:

— Мой младший сородич уже лишён головы, осмелюсь спросить главу Цзяна, как ещё с ним поступить?

Глава Цзян заявил:

— Разумеется, вычеркнуть его имя из списков секты, содрать фамилию Ли и полностью изгнать из секты Костей Грома! А затем вывесить его голову у городских ворот в назидание остальным!

Ли Сянлин покачала головой:

— Ох, не выйдет.

Густые брови главы Цзяна мгновенно взлетели вверх:

— Не выйдет? Ты говоришь — не выйдет?

Ли Сянлин произнесла:

— То, что божество в Городе Сяньинь пало — сущая правда, но действительно ли мой младший сородич творил зло и бесчинствовал, ставить точку в этом деле, боюсь, ещё рано.

Глава Цзян яростно хлопнул по столу и прикрикнул:

— Да как ты смеешь такое говорить! За полмесяца совместными усилиями мы давным-давно во всём разобрались кристально ясно, неужели ты теперь пытаешься отмыться и всё отрицать?

Старейшина Хуан попытался усовестить его:

— Синюань, послушай же её пару слов! Сянлин, к чему ты клонишь?

Ли Сянлин ответила:

— Раз в этом деле нет ни живых свидетелей, ни вещественных доказательств, обвинять его в злом умысле и резне лишь на том основании, что он был стражем Города Сяньинь... Поверьте, не только я, Ли Сянлин, но и кто другой в это не поверит.

Услышав это, Ли Цзиньлинь внезапно вздохнул и тихонько прошептал Цзян Чжо:

— Вовсю расследовали случившееся вовсе не мы, а другие секты, и до сегодняшнего дня они даже не позволяли нам войти в город... Брат Чжиинь, о какой предыстории ты говорил? Какая она вообще была?

Цзян Чжо как раз собирался ответить, как вдруг услышал, как сидевший на помосте глава Цзян усмехнулся:

— Хорошо! Раз уж ты не увидишь гроба — не прольешь слез, тебе нужны доказательства? Что ж, я предъявлю доказательства! Брат Инчжи, потрудись привести свидетеля!

Ли Цзиньлинь изумленно вымолвил:

— Странно! До сих пор они твердили, что в городе погибли абсолютно все, откуда же взялся свидетель?

Оба повернулись и увидели, как Сун Инчжи из Управления Тяньмин что-то шепчет на ухо нескольким подручным. Не прошло и мгновения, как те вывели на помост двоих человек.

Глава Цзян спросил:

— Кто поднялся?

Один из двоих ответил:

— Мл-младший — староста деревни на окраине Города Сяньинь...

А второй произнес:

— Этот ученик — прямой последователь Ли Юньюаня из секты Костей Грома.

Глава Цзян подался вперед и сперва указал на старосту:

— Начинай ты, да смотри говори главе Ли чистую правду, ни словечка не утаивай!

Староста в страхе и трепете затрясся всем телом:

— Н-не посмею, не посмею говорить неправду.

Глава Цзян ободрил его:

— Средь бела дня тебе нечего бояться. Даже если у кого-то выдающееся владение мечом, никто не посмерт здесь чинить расправу на глазах у всех. Говори, что тебе известно?

В каждом его слове сквозило тайное предостережение насчет опасности Ли Сянлин. Цзян Чжо уставился на старосту и вдруг вспомнил: да этот самый староста — вылитый главный герой из рассказней трактирного слуги!

И впрямь, староста несколько раз украдкой скосил глаза на Ли Сянлин и заикаясь проговорил:

— Год назад в деревне завелись воры, пропало... пропало много кур и собак... Я... я повел людей ночью ловить воров, да не вовремя столкнулся с наставником Ли...

Глава Цзян потребовал:

— Говори толком! Когда ты столкнулся с Ли Юньюанем, что он делал?

Староста выдавил:

— Он... он держал в руке свечу. Увидев наш отряд, он заявил, что мы заблудились в запретной зоне, после чего зазвал нас в полуразрушенный храм... Едва мы вошли внутрь, как наставник сошел с ума и принялся вытаскивать меч, чтобы убить нас. Я... я до смерти перепугался...

Глава Цзян вздохнул, обвел взглядом собравшихся и зычным голосом произнес:

— Господа, знаете ли вы, что Свечи Небесных Звуков в Городе Сяньинь изначально были созданы сектой Костей Грома путем привязывания духов к божеству? Ли Юньюань годами ходил в ходячих «вторых номерах» и тайне таил обиду, отчего и придумал подобный способ: принести в жертв человеческую кровь и принудить Свечи Небесных Звуков к падению.

Все знали лишь о самом факте принесения людей в жертву, но подробностей не ведали. Теперь же, услышав это, толпа пришла в крайнее возбуждение и принялась браниться:

— Какое «первое место», какое «второе» — не сами ли они в своей секте Костей Грома всё это придумали? До чего же невиновны жители всего города, погибшие из-за междоусобной грызни этих сородичей!

— Подло, поистине подло!

— Ли Юньюань легко отделался смертью, но эту злобу из сердца не вытравить! Не то что вычеркнуть имя — с него шкуру содрать и кости переломать было бы мало!

— Повесить его голову, пусть каждый по очереди плюнет в неё...

Кровь ударила Цзян Чжо в голову. Он сжал рукоять Меча Буцзин и вперил взгляд в старосту на помосте:

— Ох? Ты говоришь, что Ли Юньюань сошел с ума, но раз он собирался убивать, почему же пощадил тебя? Ты что, сильнее его?

Его чистый, звонкий голос резко выделялся на общем фоне. Все обернулись на него, и лишь тот самый ученик, что назвался прямым последователем Ли Юньюаня, слегка задрожал.

Староста пролепетал:

— Я... я прикинулся сумасшедшим...

Цзян Чжо громко рассмеялся, а красные отметины в уголках его глаз ярко полыхнули:

— Ты просто мастер. Прикинуться безумцем перед лицом сумасшедшего, да еще и провести его так, что дожил до сегодняшнего дня!

Слова этого старосты совершенно не выдерживали никакой критики. Но вокруг собралось столько зевак, жаждавших увидеть падение секты Костей Грома — кому было дело до того, что он говорит? Их лишь огорчало, если зрелище оказывалось недостаточно громким.

Глава Цзян рявкнул:

— Ты еще что за птица? Тебе здесь слова не давали!

Цзян Чжо чуть вскинул меч и применил заклинание Исполнение Приказа прямо на помосте:

— Мой рот при мне, говорить мне или нет — тебе указывать? На всём Собрании Мириадов Сект только у тебя язык без костей, возомнил себя круче самого первого мастера в Поднебесной, раскомандовался тут!

Кто-то из любителей зрелищ в толпе узнал его:

— Это же он! Из секты Пошо!

— Точно он, это он устроил переполох у городских ворот и самовольно сорвал голову Ли Юньюаня!

Глава Цзян насупил брови и злобно зыркнул:

— Секта Пошо? Сам Ши Ицзюнь не явился, а прислал сопляка молокососа баламутить воду! Совсем потеряли всякий стыд!

Цзян Чжо поинтересовался:

— А тебя как звать?

Глава Цзян не ответил. Окружающие почувствовали неладное, пригляделись и с удивлением заметили, что тот схватился за горло, а лицо его налилось кровью — оказалось, на него наложили заклинание молчания!

Цзян Чжо уставился на него с издевкой в голосе:

— Молодой господин задал тебе вопрос, почему ты не отвечаешь? Ой, неужто не смеешь?

Глава Цзян разъярился так, что волосы дыбом встали:

— Мм! Мм-м-м!

Кто-то внизу прыснул со смеху: только что этот глава Цзян держался с таким величественным видом, без умолку трещал и мнил себя чуть ли не главой всех сект, а теперь стоял на помосте, развлекая публику словно балаганный шут.

Сидевший рядом глава рода Пан вскочил со своего места и закричал:

— Дерзкий мальчишка! На каком основании ты сорвал голову Ли Юньюаня?

Цзян Чжо ответил:

— На каком основании? Да на том, что я восхищаюсь им.

Это было уже верх святотатства! В этот момент кто бы посмел сказать о Ли Юньюане хоть одно доброе слово? Его возглас «восхищаюсь» не только заставил лица людей на помосте перекосяться от ужаса, но и лишил дара речи толпу внизу.

Не обращая ни на кого внимания, Цзян Чжо шагнул вперед и с силой дернул за воротник стоявшего на коленях ученика секты Костей Грома:

— Полмесяца прошло, а ты ведь меня узнаёшь!

Тут же засуетившийся ученик выпалил:

— Я не знаю... я тебя не знаю!

Цзян Чжо продолжил:

— В ту ночь ты провалил построение в Мечевом Массиве Птицы Куньпэн, и это я заменил тебя на твоём месте. Что, всего за полмесяца у тебя отшибло память?

Взгляд ученика забежал:

— Нет... я... я вспомнил...

Остальные не понимали сути происходящего, но по их обрывкам фраз чувствовалось наличие тайны, и каждый вытянул шеи, боясь упустить хоть слово. Цзян Чжо рассчитывал, что этот ученик скажет правду, но кто бы мог подумать, что тот внезапно оттолкнет его, в панике бросится к толпе и завопит:

— Это ты! Это ты вместе с учительницей наложил заклинание Тюрьмы-Рисунка и погубил моих сородичей!

Этот возглас прозвучал как гром среди ясного неба, повергнув всех присутствующих в абсолютный шок!

Кто-то неведомый снял с главы Цзяна заклинание молчания, и тот принялся орать наперебой:

— Ах ты мелкий ублюдок, неудивительно, что ты выгораживаешь Ли Юньюаня, оказывается, вы сообщники!

Глава рода Пан завопил:

— Эдакую заразу нельзя оставлять безнаказанной, иначе в будущем он вырастет в нового Ли Юньюаня! Эй, схватить его!

Ли Сянлин перегородила путь мечом:

— Стоять!

Глава Цзян возразил:

— Ты сможешь сдержать меня, но сможешь ли сдержать весь мир?! Сегодня все слышали: этот пацан — тоже убийца!

Зрачки Ли Сянлин стали угольно-черными:

— Голые слова — не доказательство...

Словно поджидая именно этих слов, тот самый ученик секты Костей Грома, что секунду назад испуганно метался, вдруг изрыгнул кровь и с глухим стуком рухнул на помост. Все в ужасе побледнели, с шумом повскакивали со своих мест, и кто-то завопил в толпе:

— Этот малец зачищает концы!

В мгновение ока поднялся страшный галдеж. Без всяких дополнительных приказов со стороны Пана и Цзяна разъяренная толпа единой волной ринулась вперед, окружая Цзян Чжо и пытаясь схватить его со всех сторон.

Ли Цзиньлиня едва не сбили с ног в этой давке, он надрывался:

— Брат Чжиинь...

Перемена произошла слишком внезапно. Сердце Цзян Чжо бешено колотилось в груди, а закипающая кровь уже превратилась в бурлящую ярость, готовую вырваться наружу безумным смехом. Он всё понял: стоило ему только ступить в город, как за ним установили слежку, и каждый этот шаг казался обыденным лишь на первый взгляд, а на самом деле был заранее кем-то подстроен! И он совершил фатальную ошибку — проявил легкомыслие в словах и слишком уж недооценил Управление Тяньмин.

В этот момент в спину Цзян Чжо пришелся сильный удар, и его мощным порывом праведной ци Меча Буцзин вышвырнуло вон. Среди общего хаоса и шума он услышал голос Ли Сянлин:

— Беги!

Кубарем скатившись на землю, Цзян Чжо оказался в кольце мелькающих клинков и блеска мечей. В этот момент он сохранял леденящую голову ясность: сначала применил навык Внезапное Погружение, а затем задействовал прием Тайфэн, вырвался из толпы и бросился наутек за пределы города!

Всюду кишели преследователи. На окраине города Цзян Чжо слегка задействовал чары отвода глаз, нарезал несколько кругов и в конце концов успешно стряхнул погоню. После этого,

прибегнув к Сокрытию Ауры и Невидимости, он снова вернулся в город, намереваясь пробраться в тот самый постоялый двор, где останавливался раньше, и забрать Красную Мантию Огненной Рыбы.

Из-за Собрания Мириадов Сект все постоялые дворы в городе реквизировали, и теперь в них проживали ученики самых разных сект и направлений. Проникнув внутрь, Цзян Чжо действительно заметил во внутреннем дворе постоялого двора два знамени различных сект и нескольких учеников, которые сидели внизу на страже и болтали.

Один из учеников, похожий на старшего брата, наставлял остальных:

— Сегодня глава рода пришел в страшную ярость. Как только увидите его, будьте начеку, ведите себя сдержанно и лишнего не болтайте — всё, что не положено знать, даже не спрашивайте.

Остальные наперебой закивали:

— Да, мы во всем послушаем старшего брата. Только что же всё-таки стряслось сегодня на собрании? Откуда такой шум?

Старший брат пояснил:

— На собрании внезапно объявился некто из секты Пошо: сначала дерзил главе Цзяну, а потом заявил, что безмерно уважает Ли Юньюаня...

Воспользовавшись тем, что те увлеклись беседой, Цзян Чжо бесшумно поднялся наверх и отыскал свою комнату. Внутри было тихо и пусто. Бесшумно скользнув внутрь, он обошел комнатную ширму и тихо бросил шкафу за ней: «Небесное разрешение, номер один».

Это была секретная фраза для снятия заклятий, предназначенная специально для деактивации чар сокрытия и иллюзий. Поскольку этот постоялый двор из года в год принимал у себя Проводников духов, комнаты в нем были опечатаны множеством тайных запечатывающих заклинаний, чтобы постояльцам было где хранить свои сокровища; без конкретного пароля эти тайники было невозможно открыть ни при каких обстоятельствах.

Стоило Цзян Чжо произнести кодовую фразу, как шкаф трансформировался в длинный лакированный сундук. Сняв замок, он достал Красную Мантию Огненной Рыбы, а затем вернул сундук в прежнее состояние, дожидаясь, пока тот полностью примет свой изначальный вид. Он уже собирался подниматься, как вдруг услышал скрипучие шаги на деревянной лестнице.

Знакомый голос с усмешкой произнес:

— На сегодняшнем собрании сект просто неоценимую услугу оказал глава Цзян, не будь его, разгорись там настоящий хаос, младший брат точно растерялся бы.

Другой ответил:

— Он человек нетерпеливый, страсть как любит красоваться на людях, так что вести собрание лучше него просто некого.

Они толкнули дверь и вошли внутрь. Цзян Чжо затаил дыхание и сквозь силулуэт на ширме узнал их — оба они были теми самыми людьми, которых он видел днем. Один оказался Сун Инчжи, а второй — главой рода Пан. И надо же было такому случиться — столкнуться с заклятыми врагами нос к носу!

Войдя, эти двое уселись в официальные кресла в главной комнате. Глава рода Пан шумно вздохнул и заговорил:

— Не стану скрывать от брата: стоило мне услышать, что Ли Сянлин собирается в город, как я несколько ночей подряд не мог сомкнуть глаз. Сегодня нам вполне представился шанс прибрать к рукам её Меч Горный Тигр с помощью того парня из секты Пошо, да только она оказалась слишком сильна... Эх! Впустую упустили блестящую возможность, остается лишь надеяться, что брат Цзин быстро исцелится и сможет вернуться в город, чтобы помочь мне.

Сун Инчжи успокоил его:

— Брату Пану не стоит терзаться, такие дела с налету не решаются, а главная забота сейчас — как прибрать к рукам Город Сяньинь. К тому же Цзин Юй ранен довольно тяжело, ему придется еще поправляться на Пике Лянь некоторое время.

Цзян Чжо внутренне содрогнулся. Слыша, как они называют друг друга братьями, он понял, что они, похоже, уже заключили тайный союз, а услышав следом упоминание о Цзин Юе, невольно слегка прищурил глаза.

Глава рода Пан произнес:

— Я так и не смог толком расспросить: а как именно брат Цзин умудрился получить ранение?

Сун Инчжи взял чайник, разлил чай и неторопливо ответил:

— Он слишком спешил. Той ночью, заведя беду в Городе Сяньинь, он даже не стал дожидаться меня и самовольно сошелся в схватке с Ли Юньюанем, за что и поплатился — был ранен его мечом.

Глава рода Пан кивнул, всем своим тоном выказывая расположение к Сун Инчжи:

— Поглядишь на такую спешку — сразу ясно, что он хотел прибрать всю славу к рукам. Что ни говори, а спасение Города Сяньинь в этот раз — чистая заслуга тебя, брат. А из-за того, что он всё перевернул с ног на голову, лавры теперь достались ему.

Сун Инчжи держался с невероятным достоинством:

— Мне чужая слава ни к чему, в конце концов, всё затевалось ради спасения людей.

Глава рода Пан покачал головой:

— Раз у тебя такое благородное сердце, как тут не проникнуться уважением? К тому же, в хитрости и расчете он и близко с тобой не сравнялся бы. Не будь ты столь мягкосердечен и не пожелай уступать ему, должность великого чиновника тоже по праву принадлежала бы тебе.

Сун Инчжи сделал глоток чая:

— Между чиновником и великим чиновником — всего один иероглиф разницы. Раз ему так нравится бороться за это, пусть тешится. К тому же, не прояви он такое упрямство в погоне за славой, разве выпал бы мне шанс испытать этой чашки чая с братом Паном?

Они переглянулись и рассмеялись, вновь приложившись к пиалам с чаем.

Стоявший за ширмой Цзян Чжо подумал про себя: ну и лицемер же этот двуличный негодяй! Судя по его словам, изначально операцией в Городе Сяньинь должен был руководить он сам, но Цзин Юй в попытке урвать главные заслуги не дождался его прибытия и сам напал на бессмертного наставника Юньюаня. Только вот когда сам он пал в воду, наставник Юньюань уже был заколдован — как же тогда Цзин Юй умудрился пострадать от его меча?

Пока он размышлял над этим, глава рода Пан заговорил снова:

— Что ни делается — всё к лучшему. Теперь Цзин Юй зализывает раны на Пике Лянь, а ты находишься здесь и как раз можешь развернуться во всю силу. Однако, судя по сегодняшним событиям, Ли Сянлин настроена слишком решительно, боюсь, просто так Город Сяньинь она не уступит.

Сун Инчжи промолвил:

— Уступит или нет — её мнения уже никто не спрашивает. Помнит ли брат Пан, что ответила Ли Сянлин на вопрос главы Цзяна о том, можно ли вычеркнуть Ли Юньюаня из списков секты?

Глава рода Пан ответил:

— Она сказала: «Не выйдет».

Сун Инчжи взял пиалу с чаем и слегка улыбнулся:

— Верно, она ответила «не выйдет». Знаете ли, секта Костей Грома до сих пор держалась в Чжунчжоу столь уверенно исключительно потому, что эта Ли Сянлин всегда вела дела по справедливости и все преклонялись перед ней. Но теперь, когда её собственная секта оступилась, она не желает ни вычеркивать имя Ли Юньюаня, ни отдавать земли Города Сяньинь — разве так годится? Неужели за чужие проступки она судит по всей строгости закона, а когда очередь доходит до её собственной сект, платить по счетам вовсе не требуется?

<http://bllate.org/book/19195/1885300>